

оказываются для него рамки идеологии господствующего класса. Крупное литературное произведение уже при своем возникновении сложно по социальному характеру, а в дальнейшем оно воспринимается не только тем классом, в недрах которого оно возникло, но и самыми различными классами разных общественных формаций. Именно это обстоятельство имел в виду К. Маркс, говоря, что трудность исследования художественных произведений «заключается не в том, чтобы понять, что греческое искусство и эпос связаны с известными формами общественного развития. Трудность состоит в том, что они еще продолжают доставлять нам художественное наслаждение и в известном отношении служить нормой и недосягаемым образцом».⁴¹

Вопрос о классовом характере литературы не всегда удачно решался литературоведами и после преодоления «вульгарного социологизма»; по справедливому замечанию одного из критиков, преодоление «социологизма» в подходе к литературе оказалось более легким делом, чем преодоление вульгарности.⁴² На смену абстрактным «социальным характеристикам» в литературоведческих работах (особенно в 40-х и начале 50-х годов) нередко появлялись не менее абстрактные декларации о «народности» самых разнообразных литературных произведений.⁴³ Но в целом советскому литературоведению свойственно именно понимание сложности социальной характеристики больших литературных явлений.

Это понимание в полной мере свойственно и исследованиям по древней русской литературе. Несомненно, что памятники письменной литературы Древней Руси в огромном большинстве были связаны с господствующим (с XI—XII вв. — феодальным) классом, но было бы неверно думать, что идеология широких народных масс не получала отражения в этих памятниках. В своем исследовании «Возникновение русской литературы» Д. С. Лихачев показал ряд путей воздействия трудовых масс на литературу XI—XIII вв.: под влиянием классовой борьбы идеология господствующего класса изменялась и усложнялась («смердолюбие» Владимира Мономаха и некоторых его современников); в литературу проникали материалы устного народного творчества, а иногда вместе с ними и идеи, чуждые господствующему классу; в ходе внутриклассовой борьбы отдельные группы господствующего класса выступали в качестве «защитников» бедных и угнетенных.⁴⁴

Чем же определяется основная социальная характеристика литературы XI—XIII вв., что именно позволяет связывать эту литературу с классом феодалов? Решающее значение в каждом случае, очевидно, имеет совпадение между теоретическими воззрениями «литературных представителей» класса и реальными классовыми интересами. Популярное в литературе XI—XIII вв. идеи княжеской «милости» («патроната») и «братства» князей (в житиях Бориса и Глеба) были, как убедительно показал Д. С. Лихачев, теснейшим образом связаны с системой феодального вас-

⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, стр. 737.

⁴² Э. Паперный. Симуляция исследования. — Вопросы литературы, 1962, № 10, стр. 119.

⁴³ Одним из наиболее ярких образчиков подобных деклараций следует считать статью И. П. Лапицкого «К вопросу о народности в древнерусской литературе» (Вестник ЛГУ, 1955, № 3, серия общественных наук, вып. 1). Усвоив популярное в литературоведении предшествующих лет широкое толкование понятия «народности», И. П. Лапицкий усматривал, например, «народность» в «удивительно пронизательном» заявлении Ивана Грозного английской королеве Елизавете, что Англией управляют «не токмо люди, но мужики торговые» (стр. 71).

⁴⁴ Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы. М—Л. 1952, стр. 209—211; ср.: Б. А. Романов. Люди и нравы древней Руси. Л., 1947, стр. 130—143.